

Рита Вайцель

День
(вы)рождения

рассказ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рита Вайцель

День вырождения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65549907

SelfPub; 2023

Аннотация

Говорят, что в день рождения нужно ставить цели на следующий астрологический год, и тогда жизнь поменяется к лучшему. Но иногда изменить что-то слишком сложно....

Рита Вайцель

День вырождения

Голова трещала как пробитый барабан. Нет, Коля не знал, как звучит пробитый барабан, но именно это сравнение пришло на ум. Горло слиплось, шея истончилась, и кожа на ней висела словно флаг в безветренную погоду. Тоже образно, конечно. Самочувствие напоминало, что он скоро станет на год старше. Старше всего на год, а такое чувство, будто проспал всю жизнь: вроде и жил, а ничего не нажил – живёт с матерью, карьеры не построил, жена ушла.

«Даже не проспал, а просрал. Столько лет просрал! Неужели всю жизнь так пропущу?» – думал Коля, глядя на шелушащийся потолок. – «Даже у потолка перхоть бывает. Сколько живу, а ремонта не помню ни разу. Не уж то не делали? Не порядок, надо в новом году. Мой персональный новый год! Это тебе не общий праздник, где дед мороз, а только мой. Такая честь – родиться.»

На кухне гремела посудой мать. Старенькая уже стала, глухая, а пенсию до копейки выбьет у почтальона. Выбьет – и Коле подгонит пару-тройку тысяч. Ну а что, ей же уже мало надо, а ему, Коле, сколько не дай – ничерта не останется. А сегодня так двойной праздник: и пенсия, и день рождения!

И сестра по коридору слоняется, деловая вся: какие-то визуализации на уме, мантры и асаны. Словно и не из их семьи,

не из Егоровых. Колю она раздражает, но, может, хоть сегодня она будет с ним попроще, мелкая заноза.

Коля спустил ноги, не отрывая головы от подушки. Пальцы коснулись холодного стекла, бутылка с гулом закатилась под кровать и звякнула о другие, выпитые ранее. Приоткрытый глаз выхватил из полутьмы окурок. Да, это то, что нужно – покурить, расслабиться, отдохнуть.

–Что-то я устал... – прошептал Коля, потянулся за сигаретами, но пачка оказалась пустой. Тогда рука наощупь дотянулась до пепельницы и нашла окурок. Щёлкнул зажигалкой, посмотрел на огонёк, затянулся фильтром. Отвратительно, но легко.

В двери показалась мать, размахивая руками перед собой: –Коленька, ну ты бы хоть в день рождения привел себя в порядок? – захрустел ее сухой, ломкий голос. – Ведь тридцать пять тебе уже, почитай, половина жизни позади!

–Ой, мать, не бухти. Кому нужен твой порядок? Ерунда – это всё, для молодых как Надька.

Тут же показалась и белая голова сёстры. Ей чуть за двадцать, закончила университет по новомодной специальности – Коля так и не понял, чем она теперь должна заниматься -но куда ему! -с его технарем да корочками тракториста в таких делах разбираться.

–Коляш, с днём рождения! Желая удачи и взяться за ум! – Сестра протянула перевязанную бантом коробку. Нарядно, празднично. Не то что именинник. Коля неловко принял по-

дарок и поблагодарил, но раскрывать не стал – надо хотя бы умыться.

Коля неровно прошлепал в ванную, навис над раковиной и долго смотрел на своё отражение. Он изучал глубокие морщины, избороздившие высокий лоб, впалые желто-розовые глаза, иссушенный рот. Когда-то в детстве, казалось Коле, на подбородке была ямочка. И на щеках при улыбке тоже. Где это всё? Остались веселые вихры, но уже не вызывали радости. Седина проглядывает в волосах. Недельная щетина тоже с серебряной нитью.

«Печальная картина, Колямба, печальная, – вздохнул именинник. – Да ну черт с тобой!»

Он слышал, как раздался звонок в дверь, как щёлкнул замок: пришел почтальон, принес пенсию. Когда работник почты ушёл, Коля появился из ванной осторожничая. Он прижался спиной к стене и на цыпочках дошел до кухни, вытянув шею, словно любопытный гусь, заглянул в проём. Мать сидела за столом и раскладывала деньги по трем стопкам. Когда в руках ничего не осталось, женщина вздохнула, взяла пару синих купюр и отложила в сторону. Коля одним широким шагом оказался в своей спальне.

Комната соответствовала его состоянию: такая же помятая, неубранная и серая. Он подошёл к окну и раздвинул шторы. До боли яркое солнце ударило в глаза. Коля сморщился, потом медленно открыл сначала один глаз, затем другой. Внизу плескалось зелёное море – деревья закрывали

первые три этажа, а до их окон ещё не доросли. Особенно красиво это чеснок, когда яблони цветут. И аромат был умопомрачительный.

Коля услышал шаркающие шаги матери. Ближе, ближе. Приятная тревога охватила его: день пенсии всегда волнительный.

– Коленька, – глаза матери были влажными и розовыми, – вот, сынок, с днём рождения тебя!

Мать горбилась, голова ее уже самопроизвольно качалась из стороны в сторону – трогательная картина, от которой Коле стало горько на душе. Что он за сын такой, что мать даёт ему деньги каждый месяц. Она его любила. Она его жалела. Она старалась исправить то, что, как ей казалось, она когда-то не доделала. Она недоделала – и он получился непутёвый. Значит, ее вина, ее крест.

Коля с трудом сдержался, взял подарок и тут же спрятал в карман, потом схватил с полки в прихожей кепку и выскочил из дома. Свежий воздух отрезвил, успокоил глаза, выравнивал дыхание. Колян одернул футболку и зашагал, ведя внутренней диалог сам с собой:

«Ну и что, что день рождения? Ну и что, что 35??! И не половина жизни, а так, треть всего. Я ещё многое могу! Я ещё ого-го, мне всё по плечу! Вот сейчас пойду и на работу устраююсь нормальную, не разнорабочим в магазин, как вчера выходил. Там хоть и платят каждый день, и можно не выходить, если не хочешь, всё же плохо. Безперспективно. Да!

Вот прямо сейчас и пойду!»

–Коля? – раздался приятный женский голос за спиной. – Коля Егоров, это ты?

Колян обернулся и увидел ухоженную стройную женщину с волосами цвета свежесвыпавшего снега. Он всмотрелся в красивое лицо. Кого-то эти глаза ему напоминали, но кого – никак не мог вспомнить.

–Аня Тарасова, – подсказала женщина, хихикнув в ладошку.

–Тарасова! – то ли вскрикнул, то ли охнул Николай.– Вот это да! Ты же как звезда!

Облик Ани говорил сам за себя: достаток и благополучие. Кто бы мог подумать, что неказистая, длинная тощая словно жердь Анька Тарасова будет *такой*.

–Как ты, Колечка? Чем занимаешься? Женат? – Аня сыпала вопросами, лучезарно улыбаясь и искренне радуясь встрече. Коля чувствовал, как изнутри поднимается гнев, тонкой горькой ноткой прорываясь в горло.

–Я? Да, я хорошо, всё там же...

Она поправила руками прекрасно уложенные волосы и на ее запястьях блеснули золотые часики с драгоценными камнями.

–Помню, ты после школы работать пошёл в магазин. Неужели всё ещё там?!

–Ну, -скованно ответил Коля и потупился, – Там, да....

Аня смутилась и постаралась сгладить неудобный момент:

–Помню, что отец у тебя умер, и ты пошел работать, чтобы матери помогать... Как твоя сестра?

–Хорошо, университет закончила, работает. Мать болеет последнее время, но держится ещё.... Был женат недолго, развелись...

От неловкости оба смотрели в разные стороны, словно старались придумать ещё тему для разговора.

–Ну а ты всё ещё Тарасова?

–Нет, я давно уже Бокова, – смущённо ответила она.

–Как?! Ты с Вадькой что ли?

–С Ваней.

–Что?! – Коля чуть ни подпрыгнул от неожиданности, – с косым Ванькой?! Он же стремный был, над ним все издевались, вспомни....

–Коляш! – рассмеялась Аня с умилением, – К чему теперь вспомнить детство? Издевались, да, было. А тебя боялись. Но Ваня давно сделал операцию. Мы в Америке живём, он руководит проектами в IT – его приглашают работать самые лучшие компании мира, уважают и ценят. А тебя, Коль, всё также боятся?

Он поморщился и равнодушно пожал плечами:

–Боятся, наверное.

Разговор снова сошел на нет. Коля наблюдал за вороной, скачущей по дороге. Аня всхлипнула и почти прошептала:

–Я три дня как приехала. Я меня, Коль, мама умерла...

Она закрыла лицо ладонями и беззвучно заплакала. Он

подался вперёд, чтобы обнять ее, но вспомнил, что от него, наверняка, воняет вчерашней попойкой, и отпрянул. Ее плечи вздрагивали, и он не устоял- приобнял её, несмело, неумело, как когда-то в девятом классе, когда провожал с дискотеки. Он помнил ту Аньку, Тарасову, нескладную и краснеющую при слове «секс». Теперь она, наверное, не стыдится этого, и даже любит секс, а тогда, в их первый раз, она зажмурила глаза и старалась не шевелиться. Внутри у Коли всё трепетало, он снова стал тем самым девятиклассником, который самым первым в классе переспал с девчонкой, которого уважали и боялись, у которого вся жизнь была впереди. Его будущая жизнь должна была быть полной счастья! А потом погиб отец. Коля получил аттестат, отдал его в техникум и пошел работать в магазин грузчиком. Да! Тогда он был крутым – сам работал и зарабатывал, пока остальные протирали штаны в классах да зубрили ботанику с химией. У него была взрослая подружка, когда пацаны зажимали на дискотеках одноклассниц. Тогда... когда это было? Когда успело закончиться?

А ведь успело... Коля словно увидел себя со стороны: жалкий, серый и ничтожный. А она – прекрасна.

–Анют, а у меня день рождения сегодня... – зашептал он ей на ушко. Она подняла голубые глаза, всё такие же доверчивые и светлые, как у преданного щенка.

–Я поздравляю тебя, Коляш, – прошептала она в ответ и, вырвавшись из его объятий, в смятении убежала.

–Приходи вечером в гости, приглашаю! – крикнул он ей в след. Она не обернулась, скрылась меж домами, махнув на прощание белоснежным хвостом, а Коля пнул валявшуюся у ног пустую банку из-под газировки. Мятая жестянка отлетела, звонко брякая. Коле захотелось на работу, в магазин – там есть, с кем выпить. Мужики там компанейские, свои, настоящие друзья: и нальют, и до дома донесут.

–И чё, она согласилась прийти? – выпустив тонкую струйку дыма, хитро прищурившись спросил Кот – Федя Котов, когда они вышли из подсобки покурить. Колян уже покачивался, походка стала мягкой, плавной и медленной.

–Да не знаюя, чё, думаешь, с таким мужем ей нужен какой-то грузчик? – сплюнул Коля себе под ноги. – Она в своей Америке и в ус не дует, как мне тут живётся!

–А как тебе тут живётся? – боднул головой воздух Кот.

–Хреново, – выдохнул Колян, – Ты чё, думаешь, нравится мне так жить? Вот так, в подворотнях болтаться, деньги у матери брать? Противно мне, Федя, сам себе противен...

–Нууу, так не бери у матери! – воскликнул Федя и оступился, упал спиной на кирпичную стену.

–А где же тогда брать?! – возмутился Коля.

–Здесь!

Федя с трудом распахнул железные двери склада. Коля с отвращением заглянул внутрь:

–Тут не платят....

–Зато можно взять едой, – И Федя пошел шарить по пол-

кам, распахивая продукты по карманам друга. Когда складывать было уже некуда, он подтолкнул Колю к выходу. – Иди домой, готовься Тарасову встречать.

– Она теперь Боооокова! – многозначительно подняв палец над головой, протянул Коля.

– Да плевать вообще, – отмахнулся Кот и устало опустился на ящик с фруктами. Погружаясь в пьяную дремоту, он бурчал под нос «плевать, плевать вообще», пока Коля брел по улице, держа на изготове палку колбасы словно рыцарь с мечом. Из карманов топорщились банки консервов, шоколадки, а из заднего кармана джинсов выглядывал пучок укропа.

Усталый и грустный, Коля сидел на лавке перед домом. Голова отяжелела, но он ждал Аньку, свою Аньку, из девятого «а». Ему хотелось закрыть глаза и оказаться тем несмелым парнем, желающим впервые заглянуть во взрослую жизнь. Тем парнем, у которого всё впереди. Выпала из кармана банка сайры, утонула в черной каше почвы: за спиной рос куст пионов, который каждый вечер заботливо поливала старушка с первого этажа. Взрыхленная земля комьями дыбилась в отблесках заходящего солнца. В глазах у Коли кружились огненные шары. От их бесконечного движения мутило. Цоколь каблучков заставил его поднять голову.

– Аааанькаааа? – едва смог протянуть он. Каблуки остановились перед ним, замолкли. Коля видео тоненькие ножки в белых туфельках.

– У тебя всё хорошо, дядь Коль? – спросил юный звонкий

ГОЛОСОК.

–Анька, это ты? Я знал, что ты придешь ко мне. У меня ведь день рождения сегодня! – Коля встал и посмотрел на собеседницу. Хрупкая фигурка, голубое платье, светлые волосы – это была его Тарасова, как в *тот* день. Он протянул руку и погладил гладкие локоны, потом теплое плечико. Девушка замерла в недоумении:

–Дядя Коля, ты чего? Может, Надю позвать?

Но он не слышал её: с ним была его Аня, а сам он был как тогда, только получившим аттестат об окончании девятилетки. Его руки скользнули по платью, под платье, запутались в волосах. Они ввалились в подъезд. Она укусила ладонь, которой он закрывал ей рот, но сопротивление было сломлено и, навалившись всем телом, он горячо дышал, иступленно напрягаясь всем телом, как рыба, волною выброшенная на берег. Как и тогда, он не чувствовал ничего, кроме опустошения. Добившись механической разрядки, он повалился на бок и закрыл глаза. Круги пульсировала сквозь обрывки фраз и воспоминаний.

–Меня ещё боятся, Анька, слышишь. Ещё боятся...

Девушка всхлипнула и поднялась на ноги. Размазанная тушь резала глаза, волосы прилипали к солёной шее. Она подобрала с пола сумочку и стала подниматься по лестнице, пошатываясь, то и дело оступаясь.

Колян лежал на спине, тяжело дыша. Перед глазами стояла Аня, стыдливо опустив глаза. На ее белоснежные волосы

падали пушистые хлопья снега.

–Я поздравляю тебя, Коляш, – билось в висках...